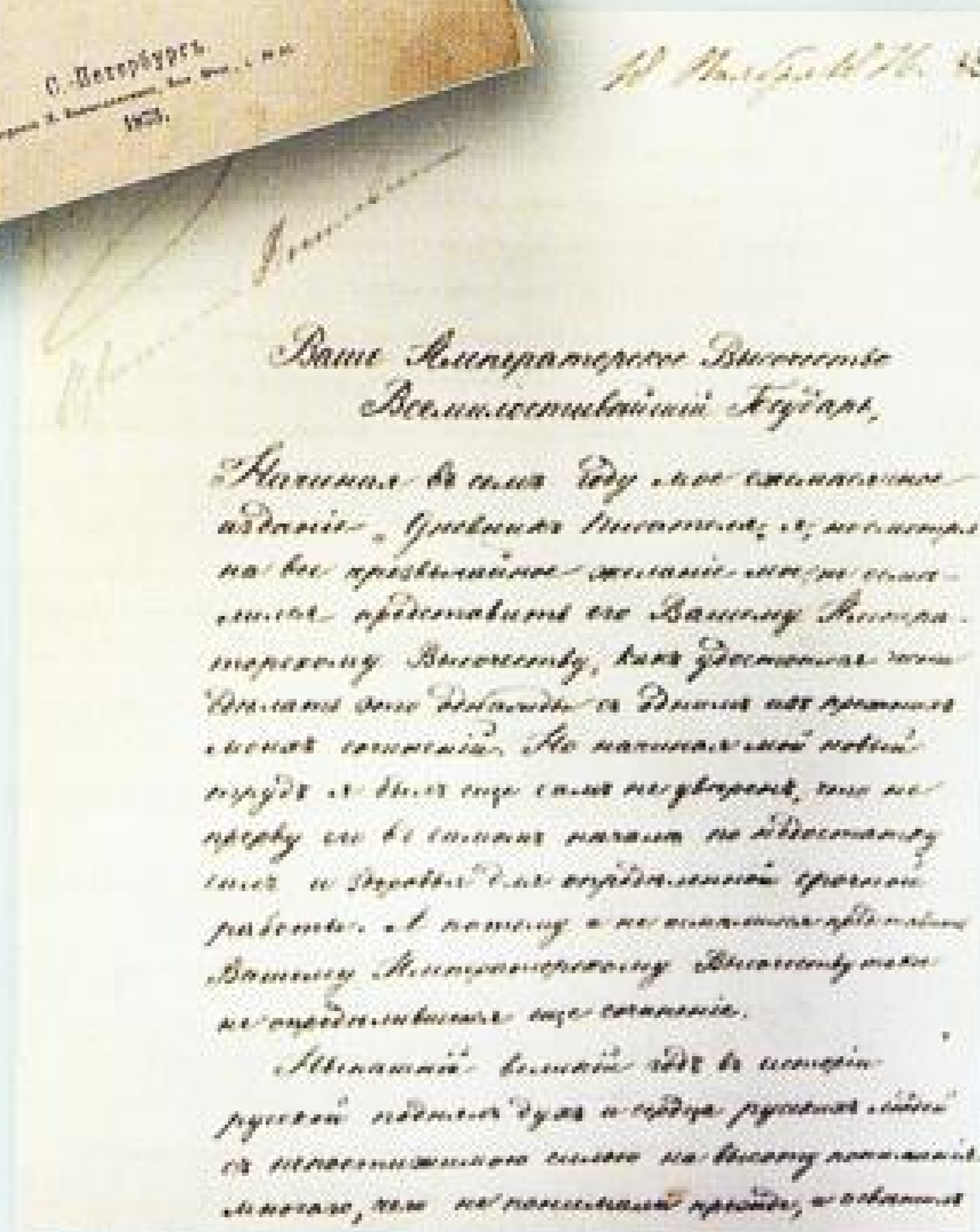
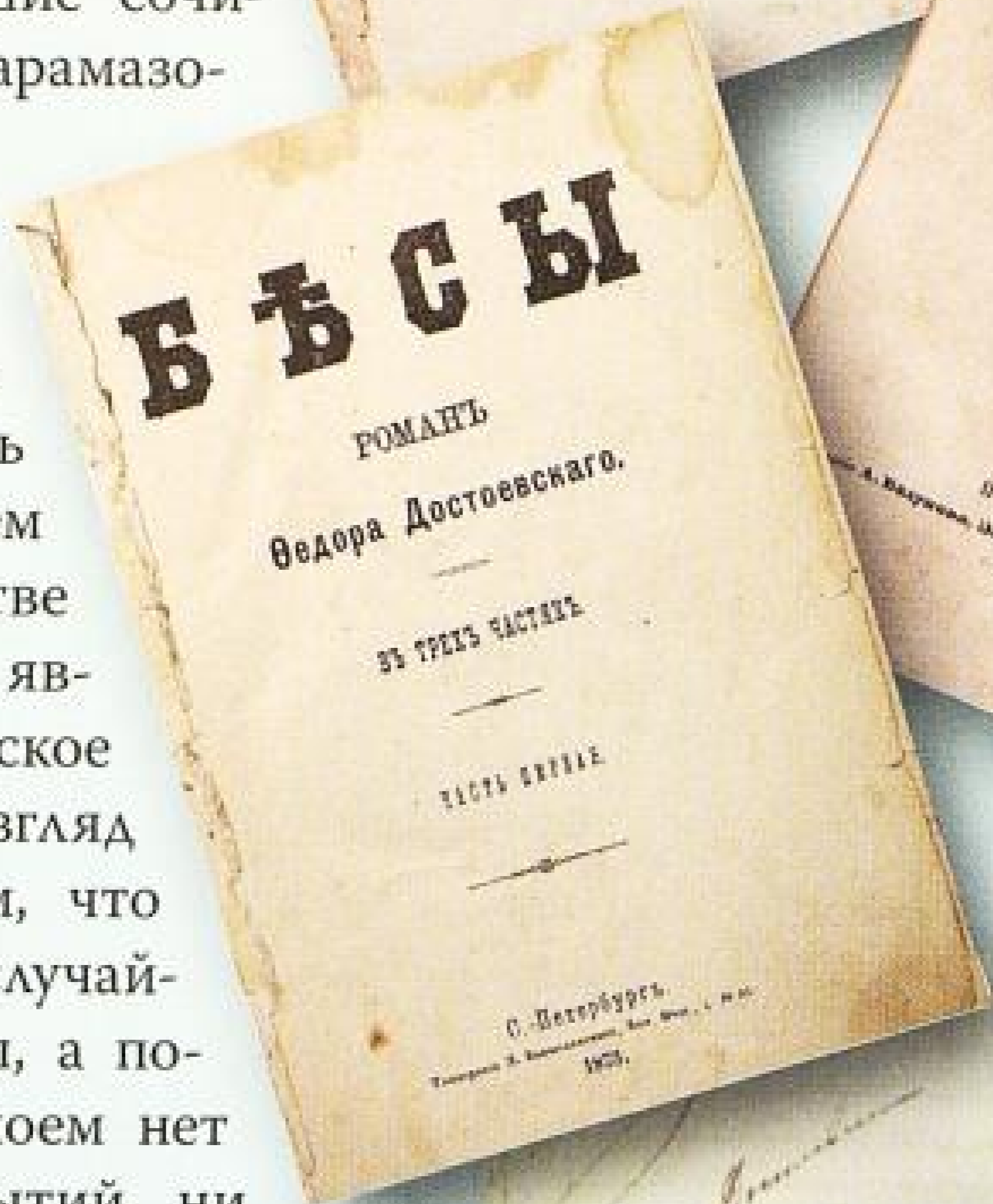

КУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

мире, будущий вожатый и властелин земли русской, может быть, обратив Ваше малое внимание на мою попытку, слабую, я знаю это, но добросовестную, изобразить в художественном образе одну из самых опасных язв нашей настоящей цивилизации, цивилизации странной, неестественной и несамобытной, но до сих пор еще остающейся во главе русской жизни».

Зная о том, что наследнику близки идеи русской самобытности, Достоевский в письме объяснил ему причины, побудившие сочинить «Братьев Карамазовых»:

«Это — почти исторический этюд, которым я желал объяснить возможность в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как Нечаевское преступление. Взгляд мой состоит в том, что эти явления не случайность, не единичны, а потому и в романе моем нет ни списанных событий, ни списанных лиц. Эти явления — прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее то, что они совершенно правы; ибо раз с гордостью назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, спо-

собность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития. Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без подобного вы-

сокомерия о собственном мировом значении никогда мы не сможем быть великой нацией и оставить по себе хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так «высокомерны» в своем самомнении и тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесла в него, каждая, хоть один луч света, что оставались сами, гордо и неуклонно, всегда и высокомерно самостоятельными». Заканчивалось письмо так: «Простите мне, Всемилостивейший Государь, смелость мою, не осудите беспредельно любящего Вас и дозвоьте высылать Вам и впредь ежемесячно каждый дальнейший выпуск «Дневника писателя».

Вышеупомянутые публикации Константин Победоносцев передал адресату в ноябре 1876-го с сопроводительным письмом, в котором говорилось: «Ф.М. Достоевский просит меня представить Вам... вышедшие до сих пор номера издания «Дневника писателя»; исполняю это с охотой и притом позволяю себе обратить внимание Ваше на это издание Достоевского. В нем немало статей, написанных с талантом и с чувством».

Обращаясь к цесаревичу лично, Федор Михайлович подчеркивал: «Нынешние великие силы... под-